

Иван Гобзев

ДВА РАССКАЗА

«РЕАЛЬНОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРАВДОПОДОБНОЙ, ЧТОБЫ ВЕРИТЬ В НЕЕ»¹

Открыл глаза. Лежу на странной кровати, вроде изогнутого пляжного лежака, под каким-то коконом полупрозрачным. Весь я истыкан проводами, но не трубками для жидкостей, как в больницах бывает, а чем-то вроде электропроводки. За стенками кокона огоньки мерцают, движение. Самое странное, что мне не страшно, хотя следовало бы испугаться — где я и, главное, что это за провода? Состояние у меня не сонное, но какое-то одурманенное. Должно быть, соображаю, я в реанимации? Что-то случилось со мной, и я сюда попал. Только вот совсем ничего не помню. Хорошо помню, что делал перед сном, а как сюда попал — нет. Надо попытаться...

Читал Толстого, его дневники. Это было последнее перед тем, как. Помню его ужасный, неодолимый страх смерти, вплоть до того, что перед лицом неминуемой смерти он хотел покончить с собой. И вот это вот у него: «Вся моя молодая жизнь — мерзость!» Что-то у него собственные увлечения вызывали злобу и отторжение. Сейчас бы ему сказали, что это физическое отвращение формируется в лимбической системе, древней части мозга, которая отвечает за эмоции и объединяет нас с животными, у многих из которых она почти точь-в-точь как у нас. Ничего общего с рациональным отношением к проблеме это не имеет. Гнев, ненависть, злость — все это ничего не говорит об объекте, на который они направлены. Это говорит о нас, о том, что активируются какие-то белки, включаются инстинкты, архаичные механизмы выживания. Он хотел жить!

Я очень хорошо понимаю страх Толстого. Он хотел бессмертия, даже не просто хотел, а считал, что оно необходимо должно быть. Он не мог принять, что умрет. Если задуматься об этих вопросах тщательно, представить себе, что вот ты есть — ты живешь, но пройдет какое-то время, не очень даже большое, и тебя не будет, сразу начинаются мысли: а какой смысл? Зачем все? Зачем ты что-то делаешь, какая

---

¹ Рекламный слоган «Мира Миров»

конечная цель? Получается, что просто время стремишься чем-то занять, ставишь себе какие-то цели, и в то же время хочешь, чтобы оно побыстрее прошло. Завтра будет то-то, через неделю то-то, а через месяц то. И ждешь, и мечтаешь — поскорее бы наступил такой-то день! Он наступает и ничего, конечно, особенного не приносит, ты оказываешься опять без цели и грустишь, но спустя какое-то время ставишь новые цели. И иногда замираешь как будто и видишь: нет ничего в этих целях и днях, кроме того что они проходят, и так год за годом, все быстрее и быстрее, бежишь к смерти. И не принимаешь ее, и боишься, но все быстрее бежишь, как будто желая. А желаешь потому что всякое дело перед ее лицом нелепо. Это мне напоминает одного алкоголика. Он отказывался пить, если известно было, что больше одного-двух бокалов выпить на вечеринке не получится. Зачем и начинать, думал он, если нажраться все равно не получится.

Что-то такое у меня случилось впервые в детстве. Было мне лет десять. Мы с братьями ходили в одно кафе, где продавалось очень вкусное мороженое всевозможных сортов. Я был самым младшим и радовался, что они брали меня с собой. Каждый поход как праздник. Мы ехали пару станций на метро, потом шли недолго пешком, заходили в кафе и выбирали. Потом ели все это за столиком, счастливые. Особенно счастливым себя чувствовал я. Боже, как вкусно, и как здорово, и какое это классное приключение! В самом деле, эта вот поездка за мороженым казалась мне очень праздничной, я всегда ждал ее, как какое-то важное и увлекательное событие. Но однажды, сидя с ними за столиком, я вдруг увидел как будто со стороны, что в этом ничего нет. Это всего лишь дорога на метро, кафе и мороженое. За этим ничего не следует, это как бы обманутое ожидание. И с этого момента я потерял вкус к нашим поездкам. Хоть и ездил дальше, и даже был в предвкушении и волнении, но неизменно обманывался. Потом такое происходило очень часто в самых разных моих делах. Когда я вдруг с неприятным чувством, немного с дурнотой, вдруг понимал: да нет в этом ничего из того, что ты ждешь, и ничего за этим не следует.

Но в те времена люди еще жили мало. Немногие доживали до девяноста, а тот, кто доживал, терял нормальное качество жизни, превращался часто в больного, а то и слабоумного. Рак, инсульт, болезнь Альцгеймера и другие штуки редко кому позволяли встретить счастливую старость. При современной медицине можно дожить и до трехсот. Мне, например, двести шестьдесят, и я отлично себя

чувствую, и выгляжу неплохо. А все это благодаря геной терапии. Теперь почти все можно починить, и нервную систему, и внутренние органы, не говоря уже о новых конечностях для травмированных. Конечно, не любые гены инъекциями получается заставить работать так, как требуется, в таком случае применяются дедовский способ — белки перорально. Ну, и нейрохирургия конечно, имплантация, куда уж без этого. Я уже много лет пью белковые комплексы, регулярно обновляю ДНК, каждый месяц меняю электроды. И это все мне не мешает вести обычную жизнь, отнимает несколько часов в неделю.

А мешает вот что: я боюсь смерти. Точнее не ее самой, а бессмысленности всего происходящего со мной перед ее лицом. Бывает, в какой-то момент дойдешь до полного отчаяния, паника достигнет пика, и уж невольно начинаешь о плохом обдумывать. Идешь по улице, видишь — фура едет, и останавливаешься задолго, потому что боишься — а вдруг?

И тут новость: «Ученые изобрели средство, позволяющие продлить жизнь на 10–15 лет!» Сразу бросаешься читать, смотреть, возбуждение дикое. Конечно, денег стоит, недешево, и процедура непростая, три месяца в стационаре! И, к сожалению, одноразовая, тысячу процедур не сделаешь, чтобы жить вечно. Сложно.

Но я все дела устраиваю и ложусь. Гарантия не стопроцентная, вероятность неудачи — 8 процентов. Получилось или нет, становится ясно только к концу стационара. И вот ты лежишь, то в жару, то в бреду, все думаешь: получится или нет? Если нет, то как тогда? Что делать? Как жить дальше тогда — долги отдавать, работать... А смысл? Ждать конца?

И все боишься, боишься оказаться в этих 8 процентах. Молишься, хоть неверующий, просишь, сам себя успокаиваешь, что 92 — это намного больше, чем 8.

Но вот наступает день, когда к тебе в палату заходит персонал в белом. Становятся вокруг. Пожилой в очках, ассистент молодой и красивый, девушка с папкой у груди. Постановочно как-то. Вот это вот, кстати, иной раз пугало меня не меньше, чем смерть, — такое ощущение, что я смотрю кино для одного меня. Все как-то уж очень по шаблонам словно...

Но ладно. Становятся они вокруг, смотрят добро и с улыбками. А я сам не свой, холодею, сердце бьется в горле, пытаюсь тоже улыбнуться, а сам чуть не плачу. Ну все, думаю, раз они такие позитивные, пришли меня приободрять... Мы очень сожалеем, но...

— Алексей Александрович, мы рады вам сообщить, что курс прошел успешно! Ваш организм отлично усвоил препарат «Геном-М».

И вот тут, в этот самый момент, испытываешь такое счастье, такую радость, что чувствуешь — лучше бы я в этот самый момент помер, потому что ничего лучше этого уже не будет. Сам никогда понять не мог этого чувства: на вершине радости, на пике счастья — и вдруг желаешь смерти, чтобы тебя просто в это мгновение просто не стало.

Хорошее настроение потом держится долго. О жизни и смерти не думаешь, втягиваешься в быт, живешь как всегда, делаешь обычные дела, развлекаешься, погружаешься в заботы, придаешь всему значение. Начинаешь радоваться и огорчаться. До поры, до времени. А потом лет десять пройдет, и опять. Вдруг уколует глубоко-глубоко, налетит и накроет так, что останавливаешься точно, и стоишь бледный, но не стоишь на самом-то деле, потому что несет тебя волна — в самую смерть.

Операцию по продлению я уже делал восемь раз. И привыкнуть к этому невозможно. Потому что каждый раз, как последний — боишься: а придумают ли ученые еще что, чтоб пожить подольше? А может, модифицируют старые схемы продления так, чтобы они еще хоть лет 5 прибавляли? Пару раз такое уже было. И надеешься, конечно, а вдруг они откроют наконец такое, что позволит жить вечно? Ну, или продлевать научатся регулярно. Чтобы избавиться наконец от этого постоянного гнетущего чувства, от этой внезапной холодной паники, которая в мгновение сметает декорации, оставляя одного в мире — наедине с самим собой. Да, это я точно подметил про декорации — именно такое чувство. Строишь, строишь их вокруг себя, наделяешь их различными значениями, а потом одного мига достаточно, чтобы все это смело. Так, я видел, действует цунами.

— Как там Арсеньев? — слышу голос за коконом.

Часть завесы отодвигается и заглядывает улыбчивый мужчина.

— Вы как, Алексей Александрович?

— Ээээм, — отвечаю я, — мне что, продлевают? Так ведь вроде же... Я не ездил...

— Чего продлевают? — спросил он тепло.

— Ну... Жизнь...

Он кивнул и коснулся моей руки.

— Алексей Александрович, 15 минут! Сейчас все вспомнится. Это обычная амнезия после отключения. Ретроградный эффект.

Он исчез, кокон закрылся.

— Еще не пришел в себя,— слышу его голос.

Но мне не до него, в тот момент когда он коснулся моей руки, я впервые обратил на нее внимание. И это совсем не моя рука, это рука старика. Я, конечно, старик, но давно уже прошел процедуры омоложения клеток и выгляжу, как, самое большое, тридцатипятилетний.

Сердце забилося страшно. В волнении я попытался встать. Что-то пошло не так! Слетел апгрейд, почему-то подумал я. Хотя сам понял, что это глупость, что не может он слететь.

— Учащенный пульс, повышенное кровяное давление,— услышал я.

Кокон распахнулся, и на это раз я увидел сразу троих. Но они были совсем не такими, как те постановочные, из программы «Геном-М». Они были настоящие.

— Не волнуйтесь, Алексей Александрович! Все хорошо, сейчас все пройдет.

— Что со мной? Что пройдет?! — Я оторнул их руки, потянувшиеся было ко мне.

— Временная амнезия после отключения от «Мира миров». Это всегда так бывает, минут 15 обычно, но, конечно, индивидуально. И с возрастом дольше...

Я не знал, что такое «Мир миров» и сказал им об этом. Но какое-то смутное воспоминание зашевелилось в глубине. Странное ощущение, как будто я все же понимаю о чем идет речь.

— Это как-то связано с Толстым? — спросил я.

«Мир миров» в моем затуманенном сознании связался с «Войной и миром».

— Каким Толстым? — спросил человек в белом.

— Я перед тем как сюда попал, читал Толстого... Дневники...

— Что, его так и звали — Толстой?

— Да, Лев Толстой...

И пока я отвечал ему, глядя на его улыбающееся терпеливое лицо, память стала возвращаться ко мне. Как будто густой-густой туман постепенно сдувало ветром, и мне стали открываться большие участки пространства.

— Лев Толстой! — Он засмеялся. — Вот придумывает же наше воображение! И что самое удивительное, сами же верим. Недавно была клиентка, — он теперь обращался не только ко мне, но и к остальным, — которая в своей виртуальной реальности очень увлекалась

чтением Лыдины Холодной. Представляете? То есть на полном серьезе имя — Лыдина, а фамилия — Холодная. Потом, как вернулась, никак не хотела принять, что сама ее выдумала. Так что Лев Толстой — это еще не самое странное!

И вот когда он сказал эти слова — про виртуальную реальность, — туман рассеялся почти полностью. Но я все-таки попытался:

— Да я ведь читал... «Анну Каренину», «Войну и мир»... Это так сильно! Я что, гений, если смог такое сам сочинить?

— Алексей Александрович, может, вы и гений, это вполне вероятно, но в данном случае вы ничего не сочиняли. Вы по памяти сможете воспроизвести эти вот произведения, которые вы сейчас назвали?

— Нет, конечно, — возмутился я.

— Да, да, — он понял мое возмущение, — конечно, никто не может. Да и сам этот ваш толстый лев не смог бы, если бы в самом деле существовал и писал, я согласен. Только тут причина иная — вы наверняка помните только некоторые образы, какие-то эпизоды, отдельные фразы, но не целое. Потому что все это породило ваше сознание, заполняя пространство виртуальной реальности в «Мире миров».

И тут все прояснилось окончательно. Да это же «Мир миров»!

Программа виртуальной реальности, к которой можно подключиться и прожить любую жизнь, если только, конечно, у тебя есть деньги. Полное погружение, мир генерируется в режиме реального времени, в соответствии с твоими запросами...

— Сколько я здесь был? — спросил я, но и сам уже вспомнил — это была только демоверсия.

— Как и по договору, — сделав убедительное лицо, сказал тот, что в очках, — тринадцать минут...

— Да-да, — пробормотал я, — а ведь прошла целая жизнь, и не одна...

— Все верно, — улыбнулся он. — В этом одно из наших главных достижений — в «Мире миров» происходит субъективное замедление времени. Когда переживания не реальны, нет конкретных физических раздражителей, которые должны воспринимать рецепторы, все проще и быстрее. Сигналы подаются напрямую в головной мозг, к нейронам. За какие-то секунды формируется память о колоссальных массивах информации, а клиент воспринимает их как реальные мгновенно.

— Да, но... Почему? Почему все такое же, как и в реальном мире? Я ожидал чего-то... Ну...

— Фантастического? Сказочного?

— Ну да...

Он понимающе кивнул:

— Вас удивляет, почему в «Мире миров» все такое же как и в реальном мире? Тут все сложно. Скорее, это не нас, а вас надо спросить. Я имею в виду, не конкретно вас, а вообще всех клиентов.

Да, я читал об этом и даже смотрел документальный фильм про «Мир миров». Раньше большую часть разработки виртуальной реальности брала на себя корпорация, под конкретный заказ. Хочешь — волшебные миры, с драконами, эльфами и всякими чудесами, где ты можешь творить все, что пожелаешь. Можешь быть богом и сам создавать миры. Можешь летать, телепортироваться и вообще нарушать законы физики. Особенно большой был запрос на фэнтези. И, кстати, на Гарри Поттера — вот тут спрос дикий был совершенно, люди непременно хотели оказаться в его мире и в его роли, причем в основном девушки.

И все это работало отлично, как временное развлечение. Однако эти захватывающие дух путешествия в виртуальные миры, где все было как настоящее, где ты чувствовал все то же, что и здесь, но только умел намного больше, имели один недостаток. Ты все время помнил о том, что твои приключения — не реальны, что это иллюзия, очень классная и абсолютно реалистичная, но иллюзия.

Тогда «Мир миров» предложил новую опцию: временное отключение памяти о реальной жизни. Точнее, подавление имеющихся объемов долгосрочной памяти и активация других, не настоящих — записанных в гиппокампе в соответствии с выбором программы. Теперь клиент с самого начала подключения считал подлинной именно эту, порожденную симбиозом «Мира миров» и его сознания реальность.

Предложение стало настолько популярным, что многие, имеющие достаточные средства, подписывали пожизненный контракт с «Миром миров». Они брали билет в одну сторону, чтобы провести оставшуюся вечность в выбранном по своему вкусу мире.

Закончилось все это скандалом. В результате серии аварий, когда подключенные «просыпались», выяснилось, что эти миры им совсем не в радость. Более того, они превращались для них в тюрьму, нескончаемую пытку. В этих своих мирах многие клиенты постоянно пытались совершить суицид, прекратить существование, но бесполезно, они возрождались и возрождались, с другой памятью, и проживали новые жизни, и в каждой новой жизни все больше и больше сомневались в смысле происходящего.

Самое интересное, что корпорация знала об этом. Но ничего не предпринимала, боясь потерять многомиллионные контракты. В общем, все в итоге вылезло наружу, куча исков, и «Мир миров» чуть не закрылся. Каким-то чудом корпорации удалось избежать банкротства и суда.

— «Реальность должна быть правдоподобной, чтобы верить в нее», — произнес я слоган корпорации.

Я привстал и сел, слабость почти прошла.

Он улыбнулся.

— Именно так. Вы сами строите реальность, а программа только воссоздает мир по проекции вашего сознания. Ну, кое-какие элементы, конечно, мы добавляем, иначе...

Он скривил губы и покачал головой. Он был в этих вот модных смеющихся очках, и его глаза, увеличенные стеклами и поддрагивающие, радостно улыбались, поэтому все время казалось, что ему очень весело. Дурацкая мода, подумал я, бывают же темы в разговоре, когда это совсем неуместно! Но в сфере услуг эти очки так плотно вошли в практику общения с клиентами, что стали чуть ли не обязательными.

Мне принесли черный чай без сахара. Очень помогает после «Мира миров» прийти в себя — не столько физически, сколько психологически. Да, мы сами строим реальность.

В результате расследований того скандала стало ясно, почему подключенные быстро становились несчастливы в своих идеальных мирах. Они были неправдоподобны. Спустя какое-то время клиент, хоть и не помнил ничего о реальном мире, все сильнее начинал сомневаться в происходящем. Оно переставало вызывать доверие. Мир начинал казаться ненастоящим, фальшивым. И чем дальше, тем больше. Немного проще было тем, кто допускал в программе опцию смерти — они как бы воплощались заново и все начинали с нуля, но странным образом сомнения, возникшие в прошлых жизнях, не исчезали со смертью, а переходили в новые воплощения, как бы аккумулируясь.

Я тогда, в том фильме, так и не понял, почему это происходило. И сейчас был отличный шанс узнать все практически из первых рук. В ответ на мой вопрос он засмеялся, и большие глаза в стеклах весело запрыгали:

— Признаюсь, меня спрашивали об этом тысячу раз. Вообще я не нейропсихолог. Я скорее отвечаю за программную часть. И не уверен, что хоть кто-то может дать точный ответ. Есть, конечно, некоторые, скажем так, выглядящие убедительно догадки. Я сам

придерживаюсь следующей позиции. Люди что делали? Выбирали всякие волшебные, нереальные миры, где можно творить что-то невероятное легко и много. У каждого свое представление о лучшем мире, но, что любопытно, много общих стереотипов... А наш мозг формировался в течение миллионов лет в ходе эволюции. В ходе случайных мутаций, борьбы за выживание возникло, видимо, вместе с корой, сознание и сохранилось, закрепилось как эффективный механизм адаптации к условиям окружающей среды. Ну, и дальше продолжалась эволюция, в соответствии с законами физики. Вот это самое важное — в соответствии с законами. То есть сознание — это инструмент реагирования на природу, само полностью соответствующее ее законам. Сознание — продукт реальности, поэтому в каком-то смысле неразрывно связано с ней, оно изначально предназначено для адекватного реагирования на реальность, для взаимодействия с ней. А что происходило во всех этих вымышленных мирах? Нечто противоречащие законам природы. То, что наше сознание не рассматривает как реальное, потому что само оно функционирует по правилам природы, оно выпестовалось в *реальной* реальности. В какой-то момент, я так думаю, накапливается большое число несоответствий, которые наше сознание отказывается принимать. Неправильно срабатывает обратная связь, это как при эпилепсии. Ну, например, если ты в «Мире миров» бессмертный бог, скажем, Зевс, то проблема возникает вообще очень быстро. Сознание очень тесно связано с инстинктами, с гормонами. Всякие экзистенциальные вопросы, вызванные страхом смерти и так далее теряют в этой ситуации смысл, но сознание-то продолжает функционировать как человеческое, потому что на самом деле ты не бог, а человек, существо, сформированное как конечное и вынужденное вести борьбу за жизнь. Тут и происходит мощный диссонанс...

Он еще что-то говорил, но я задумался о своем, потеряв нить. Я не до конца понимал его, тем более он увлекся и стал излагать все в более сложных терминах, хотя в общих чертах я и уловил суть.

— Наше сознание так или иначе требует соблюдения законов физики и более того — сложившихся культурных стандартов... — продолжал он.

— Реальность должна быть правдоподобной, чтобы верить в нее, — прошептал я.

— Что-что? — спросил он, весь улыбаясь. — Прошу прощения?

— А для чего вся эта выдуманная история с Геном-М, продлениями жизни, новыми разработками ученых? Ведь в настоящей реальности этого нет, все умирают... И я не думаю, что это мое сознание придумало, это наверняка ваша затея, изначально запрограммированная, так ведь?

— Ну как же! — удивился он моей непонятливости. — Конечно, это входит в базовый набор условий виртуального мира. Но так ведь интереснее же, иначе совсем скучно жить. Поверьте, мы провели много исследований!

— А сделать клиентов просто бессмертными, нет? — спросил я. — Избавить их от самого страшного страха — страха смерти? Вы же, наоборот, их мучаете. В чем смысл? Вы не представляете сколько я паниковал из-за этого, как ждал, как ликовал, когда наконец «ученые» что-то «изобретали!» Раз десять наверно готовился умирать...

— Вы сами сейчас ответили на свой вопрос. — Он слегка покраснел, но не от смущения, а от неловкости, которая иногда возникает, когда рядом кто-то очень тупой. — Вы ликовали. Становились счастливы. Вот если бы вы там были бессмертны, уже к концу первого срока обычной, настоящей жизни, менее ста лет, вы бы впали в тяжелейшую непреходящую депрессию. Проверено много раз. 99 процентов клиентов в таких условиях в какой-то момент пытались совершить суицид. Нас из-за этого чуть не закрыли. Акции «Мира миров» рухнули до самого дна... А так — стимул жить. Самый сильный стимул в жизни — это страх смерти. Но работает только в том случае, если жизни что-то угрожает. Это понятно, утоление жажды не становится для вас существенной проблемой, если у вас неисчерпаемый источник воды. Вы вообще не думаете об этом, как о проблеме. То же самое и с жизнью: если вы бессмертны, то проблемы смерти для вас не существует. Мы пробовали такие штуки, как всевозможные престижные премии, чествование, всенародная любовь. Но это работает недолго. Дни, недели, в потом все по-прежнему. И повторного эффекта счастья добиться сложно. Так что идея с продлением жизни, без всяких гарантий, что она будет продлена. — оказалась самой эффективной. Человек в напряжении, он боится, он не уверен до последнего момента — и какая эйфория, когда наконец удалось! Помните свои ощущения? Вот мы думаем над дальнейшим развитием этого сюжета. Есть идеи... Постоянная угроза эпидемии, природные катаклизмы, нападение инопланетян?! А клиент постоянно выживает — но как бы чудом!

Пока мы болтали, из меня аккуратно вытащили все электроды. Потом принесли мою одежду. Он скрылся за коконом, чтобы я мог переодеться.

— Не все правдоподобно,— громко сказал я, чтобы они меня слышали и поняли, что это я к ним обращаюсь.

— Что вы имеете в виду?

— В клинике «Геном-М», в виртуальном мире моем, все было не по-настоящему. Мне очень большое недоверие внушал персонал. В смысле, чувствовал себя, как в театре, где постановка для одного меня. Ну, и рано или поздно к тому же, с этими бесконечными изобретениями и продлениями, я бы тоже разуверился в происходящем.

— Да,— ответил главный из-за кокона,— проблемы есть, согласен. Что характерно, все проблемы возникают из-за базовых программных модулей, которые генерируют некоторые элементы реальности в обход ожиданий вашего сознания и без его участия. Вот они-то и взывают чувство обмана, недостоверности! То есть сознание начинает отторгать то, чего в реальности не бывает, ну, как организм отторгает чужой орган при неудачной трансплантации.

— Но в целом,— спустя полминуты спросил он,— вы довольны?

Я почувствовал неуверенность в его словах.

Нет, я не был доволен. Я заплатил кучу денег за эту демоверсию, а за полное и окончательное погружение должен был бы отдать в тысячу раз больше, оставив детей почти без наследства. И за это дерьмо! Все равно не вышло у них правдоподобно. И в жизни, что они предлагают, только одна цель — как бы пожить подольше. Дерьмо. Я вышел, уже в костюме. Переодевшись, я превратился из пациента в обычного себя, успешного и обеспеченного человека.

Он мило улыбнулся мне, как будто почувствовав трансформацию:

— Позвольте я провожу вас в кабинет! У нас для вас небольшой подарок, как для особенно ценного клиента!

По дороге он отдал ассистентке свой халат и тоже превратился в представительного человека. Сейчас будет впаривать, подумал я, украшая дерьмо гирляндами и игрушками. Но как ни украшай, дерьмо останется дерьмом.

— Кофе? — спросил он, когда мы уселись в его кабинете.

Сделано здесь было по уму: мы сидели как бы на равных — одинаковые кресла, стол посередине, с его стороны никаких папок, стопок и документов. Деловые переговоры и должны происходить так.

— Спасибо, не хочу, — ответил я, давая понять, что не намерен задерживаться.

Он покивал улыбочиво.

— У нас есть для вас особое предложение! Можно озвучить?

— Озвучьте, — согласился я без всякого энтузиазма.

— Мы пришли к тому чтобы почти полностью избавиться от встроенных программных модулей, типа «Генома-М». Иначе говоря, от фона, который встроен в «Миром миров». Все — от и до — программа будет создавать рандомно, на основании ожиданий сознания клиента.

— И что изменится по сравнению с тем, что я видел?

— Все! Не будет ничего фальшивого. Мир будет настоящим — практически неотличимым от реального. Никаких продлений, никаких неправдоподобий, все как здесь. Родился, жил, умер.

И он торжествуяще посмотрел на меня.

— Гм, — сказал я и внимательно посмотрел на него. — Я не совсем понимаю... А какой смысл? Менять реальную жизнь на виртуальную, если виртуальная точь-в-точь как реальная? Я и эту могу прожить и умереть...

— Простите, но, — он мягко улыбнулся, — вам 80.

— Я в курсе, — холодно улыбнулся я в ответ.

— Несомненно, вы можете дожить и до ста. Даже сохранив определенное качество жизни, хотя с возрастом, оно, конечно, неизбежно теряется... Износ, болезни, усталость от жизни и себя, тяжесть воспоминаний, утрата желаний, нереализованные возможности, которые уже не реализовать... Это появляется у всех с возрастом, и с этим, какие бы деньги ни были у человека, ничего не поделаешь.

— Ну, не все так драматично, — усмехнулся я, а сам подумал: тебе где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью, оглянуться не успеешь, как будешь там же, где и я.

— А что мы предлагаем? — продолжал он. — Почти вечность. Вы будете рождаться, жить и умирать. Рождаться, жить и умирать. Снова и снова. Этот цикл в «Мире миров» сможет повторится миллионы раз, прежде чем... Прежде чем вы по-настоящему... Ну, вы понимаете. Вы будете снова ребенком, юношей, и станете испытывать все то, что связано с этими возрастами. Можно даже сделать так, чтобы случайным образом вы рождались то мужчиной, то женщиной. То есть мы предлагаем почти вечность, но правдоподобную. Она не вызовет у вас никаких сомнений!

— Потому что я не буду помнить о реальной жизни, которая вот здесь?

— Разумеется. Отключение памяти о жизни в первичном мире обязательно. Иначе нет никакого смысла.

Я заметил, что он избегает называть действительность «реальным» миром. Маркетинг, что ж поделаешь.

— Да-да, конечно. А вот, мне просто любопытно, можно сделать так, чтобы человек помнил о своих прошлых жизнях? Ну, не об этой, а прожитых в «Мире миров».

— Можно, мы с коллегами думали об этом, — сказал он таким тоном, что стало ясно: это плохая идея. — Но тут возникает ряд проблем. Например, в какой момент индивид должен вспоминать о прошлых жизнях? Если он будет знать о них, едва родившись, то он уже собственно не будет новорожденным младенцем, понимаете? У него будет супербагаж знаний и опыта... И это опять же бессмертие, но неправдоподобное! Можно, конечно, сделать так, чтобы он вспоминал о них в свое совершеннолетие. Но это тоже весьма, мягко говоря, натянуто. Мы боимся, что эти игры спровоцируют накопительный эффект недоверности. И на такой риск, уже имея печальный опыт, нам не хотелось бы идти...

Он резко встал и протянул мне руку.

— Что же! С вами очень приятно иметь дело, Алексей Александрович! Я должен идти, у меня совещание. Но я всегда, в любой момент свободен для общения с вами. Подумайте о нашем предложении! Лично за себя могу точно сказать, что когда придет мое время, я выберу именно это.

Я пожал его руку, не успев встать, и он вышел.

— Чего-нибудь желаете? — заглянула секретарша.

— Да, вызовите, пожалуйста, такси.

Я остался сидеть, глядя на свою руку, которую так и держал перед глазами после его рукопожатия. Не понимаю, почему никак не могу привыкнуть к этому зрелищу. И к своему отражению в зеркале. Мне до сих пор странно, что я вижу в нем старика.

СПАСИБО

— Спасибо, спасибо, Вольфрам Селифанович! Спасибо! Спасибо! — елеиным голосом говорил Алексей в трубку. И выражение лица у него было при этом соответствующее голосу — сладкое, благостное,

как будто он с особой нежностью относится к Вольфраму Селифановичу. — Спасибо! — еще раз мяукнул он, и Селифанович на этом закончил разговор.

Но дело было не в любви к нему. Николай так общался со всеми без исключения начальниками. И даже на всякий случай с равными. И с иными подчиненными, если предполагал, что у тех могут быть связи с кем-то из вышестоящих. Ну, и просто, на всякий случай, если он не знал, что это за человек, то делал лицо шоколадным пончиком и смотрел нежно-нежно. Я бы даже сказал — предано, с готовностью на все. Он как будто говорил этим своим лицом: для вас я сейчас все сделаю, что скажете. Все-все-все, нет никаких ограничений! Я на все готов!

Со мной он так не общался, потому что я был ему понятен — его подчиненный, недавно студент, без всяких полезных связей, взятый им на работу по просьбе нашего общего друга. Со мной он говорил нормальным голосом, с лицом серьезным и спокойным, иногда шутливо.

— Иван Андреевич, — в шутку называя меня по отчеству, обратился он, — ты презентацию подготовил?

— Готовлю, — ответил я.

Но тут опять зазвонил телефон. Теперь звонил Андрей Молибденович, один из важных людей в компании. Он что-то поручал Алексею. Алексей, едва взял трубку, заулыбался приторно и залоснился:

— Да, Андрей Молибденович! Сделаем, Андрей Молибденович! Все будет, как вы скажете, Андрей Молибденович!

И потом, как только разговор к концу подошел, опять началось это:

— Спасибо! Андрей Молибденович, спасибо! Спасибо! Спасибо!

Я никак не мог привыкнуть к этим его «спасибо». Благодарить ведь не за что было — это ему звонили, давали задание, о чем-то спрашивали. А он, как будто ему сделали большое одолжение, рассыпался в «спасибо». И еще таким тоном, что мне не по себе становилось. Но почему-то в такие моменты я оторваться от него не мог, меня словно завораживало происходящее.

Андрей Молибденович отключился. Алексей положил телефон, потер лоб над переносицей и сухо сказал:

— Мудак. Не понимает ничего, а все туда же лезет... Командовать хочет.

Тут он вспомнил обо мне, улыбнулся и спросил:

— Так о чем мы? А, презентация. Готова?

Его совершенно не смущали эти вот собственные перемены. Может быть, он настолько привык к такому поведению, что перестал видеть в этом странность. А может, ему в принципе было все равно, что подумают подчиненные — те, кто наблюдал эти его перемены. Возможно, он и за людей нас не считал.

— Готовлю...

— А что долго-то так? — удивился он. — Там дел на пять минут.

— Не могу подобрать картинки подходящие для слайдов.

— Давай посмотрим, — сказал он.

Я открыл презентацию. Он полистал, что-то поменял в тексте, потом зашел в поисковик и нашел две фотографии, президента и премьер-министра. Вставил их в презентацию и каждую подписал какой-то цитатой, найденной в интернете.

— Вот и все, Иван! — сказал он поучительно.

Тут он взглянул на часы и испуганно воскликнул:

— Ой! Бежать пора, а то на службу не успею...

Он строго перекрестился, и стал собираться.

О чем бы мы ни говорили с Алексеем, он всегда всех осуждал. Точнее, даже не осуждал, а презирал. Любого — начальника, равного, подчиненного. Почему-то мне он доверял, даже, как мне кажется, хотел понравиться. Но я уверен, что и за моей спиной он говорил про меня только плохо, исключений для него быть почти не могло.

Он делал всего два исключения. Первое — его бывший научный руководитель, под руководством которого он защитил кандидатскую диссертацию. Его он уважал бесконечно, говорил о нем только возвышенно и почтительно. Мне это, как и все в Алексее, казалось странным. Дело в том, что его научный руководитель был старый алкоголик. Он хотя и занимал какой-то с виду значимый пост, хотя и имел какие-то достижения в науке, теперь не интересовался уже ничем. Каждое утро на работу он приходил пьяный. В тумбочке рабочего стола он всегда держал алкогольные напитки, какой-нибудь коктейль в банке и что-нибудь покрепче. От него всегда пахло, и, хотя на работе он не напивался сильно, было видно, что он нетрезвый.

Почему его держали так долго, не знаю, возможно, потому что у него были какие-то связи, да и структура, которой он руководил, в действительности ничего не производила и была собранием образованных неполноценных людей, получающих мизерные зарплаты.

В конце концов, его убрали и поставили молодую энергичную женщину, рассчитывая навести порядок.

Мне он, кстати, по-своему нравился. Мужчина он — если не обращать внимание на пропитость, мешки под глазами, нездоровый цвет лица, переходящий от снежно-белого к сизому с лиловыми прожилками, — был когда-то презентабельный и красивый. Приятный спокойной голос, уверенная манера держаться, и, в отличие от многих алкоголиков, он нисколько не стеснялся демонстрации своего алкоголизма. Было у него и обаяние, он заразительно улыбался, и взгляд его сразу располагал.

Тем не менее, хотя так совпало, что мне пришлось поработать под его началом недолгое время, я не стал его поклонником, а наоборот, держался с ним как-то даже слишком неприязненно.

Почитание же его Алексеем казалось мне совершенно невозможным. Тут, по-моему, вообще нечего было почитать. Ну да, думал я: ну, научный руководитель, помог написать и защитить, ну и что? Мне тогда не приходило в голову, что если человек всех ни в что не ставит, у него должен быть хоть кто-то, кого он превозносит.

Вторым, кого он уважал, был наш общий друг, пристроивший меня к нему работать. Но тут было частичное уважение, с иронией и некоторым даже недовольством. Стоило нам заговорить о нем, выражение его лица делалось скептическим, и он протягивал тонким голосом:

— Нууу, не совсем идеально... Есть сложности, не везде удастся прийти к понимаю...

Но к прямому осуждению не переходил, возможно, уважая то, что наш общий друг был все-таки его старший товарищ и связывал его когда-то с научным руководителем.

Но если мы говорили о совсем постороннем, то тут все было ясно. Сдерживался он только, если речь шла о его подчиненных женщинах, о которых говорить грубо было просто неприлично. Про всех же начальников, с которыми он делался пупсиком и нежно ласкал их восторженными словами, он высказывался проще. Кретин, идиот, гандон — это обычно.

Он пытался общаться со мной просто и дружелюбно. «Мне нужен напарник», — говорил он, желая тем самым подчеркнуть, что отношения начальника и подчиненного между нами излишни. Его рас-

положенность и симпатия льстили мне, и вообще он мне тоже был симпатичен, и я бы радостью выстраивал между нами партнерски-приятельские отношения. Но ничего не выходило, и я сам был в этом виноват. Трудно стирать грань между тобой и начальством, когда ты не исполняешь свои обязанности, но только делаешь вид. Этот обман сразу создает большую дистанцию, мешает общению запросто, потому что ты хитришь и лицемеришь. Поэтому при нашем общении я делал глуповатое лицо прилежного сотрудника и не мог с ним общаться легко, как мог бы, если бы мы были равными.

Алексей соблюдал пост и регулярно посещал службы. Особенно по праздникам. Знал псалмы, подпевал хору. К религии он относился так же, как к своему научному руководителю, — с беспрекословным уважением. Проходя мимо церкви, он всегда крестился, никого не стеснясь. Религия вызывала в нем благостное настроение.

— Слышишь, Иван, — вдруг забывал он о делах и говорил мне с ласковой улыбкой, — слышишь? Колокольные звоны.

В самом деле, звонили колокола к службе.

— Ты ходишь в церковь?

— Зачем? — не понял я.

— Ну как... Исповедь, причастие. Так хорошо, такая благодать, когда стоишь в праздник, благовония, песнопения... А крестный ход?!

Я признавался, что не очень религиозен.

Он качал головой, скривив губы, как бы не споря, но показывая, что не понимает меня.

— Жаль! А так хорошо...

Наши отношения стали быстро портиться. По моей вине. Так получилось, что в то время я влюбился, и мне стало совершенно не до работы. В юности так бывает — кроме твоей любви мира не существует. К тому же задания, которые он давал мне, я физически не мог выполнять нормально. Не потому что они были очень сложны. Они были совсем просты. Но очень времязатратны, рутинны и, с моей точки зрения, глупы. Перед этими задачами у меня начиналась жесточайшая прокрастинация. Я буквально не мог сесть за компьютер и начать. Я ходил вокруг него, пил кофе, курил, нервничал все больше и больше, но приступить никак не мог. В итоге у меня начинались панические атаки, и в таком состоянии я все же садился и делал то, что надо сделать. Делать я пытался как можно быстрее, не заботясь

о качестве. Впрочем, качество не играло особой роли, потому что вся наша работа была обманом.

Мы трудились в проектной сфере — выполняли большие многомиллионные заказы. Изначально на самом вершине решалось, как все деньги будут поделены, и вся работа по проекту сводилась к составлению отчетов, где указывались не проведенные в действительности мероприятия и фиктивные затраты. Почти всё получали чиновники высшего уровня — они, естественно, вообще ничего не делали, просто ставили свои резолюции за откаты. Чем ниже рангом, тем меньше денег. Непосредственные исполнители, вроде нас, получали меньше всех, но и то мне, бедному выпускнику университета, казалось, что это много.

Однажды пришло время выплат по одному из таких проектов. Я пришел в бухгалтерию расписываться за полученные деньги. Мне выдали какую-то сумму, которая мне показалась совсем маленькой, учитывая, что Алексей до этого много раз радостно говорил, что проект очень большой и получим мы за него хорошо.

Подписывая документы, я вдруг обратил внимание, что в графе напротив моего имени стояла совсем другая сумма, значительно больше. Наверное, налоги, подумал я, желая себя успокоить и не ввязываться в выяснения. Но все же, хотя я и знал, что налоги по проектам бывают большие, мне так же было известно, что мы их как-то обходим. К тому же никак налог не мог быть выше девяноста процентов.

В бухгалтерии я не стал спорить, понимая, что кассир всего лишь делает то, что ему говорят, и пошел сразу к Алексею. Он был в кабинете, работал за компьютером. Я рассказал ему о своих сомнениях. И повинаясь какой-то смутной интуиции, понимая, что просто так я ничего не добьюсь, я добавил скромно, что вообще это ведь подсудное дело: факт расхождения в документах и фактической плате...

Упоминание суда подействовало неожиданно. Он вскочил и ни слова не говоря выбежал из кабинета. Не зная, что это значит, я остался ждать. Совсем скоро, минут через пять он вернулся, достал из кармана пиджака конверт и протянул мне. С улыбкой, как всегда, но какой-то другой, сдержанной и холодной. Я заглянул в конверт, там были деньги.

— Спасибо, — сказал я.

В этом момент в церкви по соседству зазвучали колокола. Звали к службе. Я ждал, что Алексей примет умиленный вид и перекрестится, тем более церковь была видна из окна. Но он стоял неподвижно и напряженно, как будто чего-то ждал.

Я попрощался и вышел.

В какой-то момент я вообще перестал работать. Иногда не приходил. Когда приходил, то тупо сидел за компьютером, ничего не делая. В мою голову ничего не вмещалось сверх моей несчастливой любви. Алексей долго это наблюдал, высказывал мне претензии, и наши отношения становились все хуже. В конце концов, я объяснился и рассказал ему, в чем дело.

После нашего разговора я больше не появлялся на работе и не получал от него никаких заданий полгода. Время это было прекрасное. Любовь моя стала складываться удачно, и я целиком посвятил себя ей.

Но однажды он позвонил мне и сказал, что есть работа. И мои мучения начались опять. Самое тяжелое было то, что я просто не мог заниматься этими странными бессмысленными отчетами. Нужно было выдумывать сведения из каких-то областей, совершенно недоступных моему уму. Я ни слова не понимал из того, что он писал, из того, что говорил он и наши коллеги на конференциях. Я слышал отдельные слова, но общего смысла не улавливал. Я и не хотел вдаваться в этот птичий язык, мне он казался совершенно фальшивым, созданным специально для обмана, для разговора о том, что не имеет никакого отношения к реальности. Так оно и было, этот язык и служил для того, чтобы никто не мог понять, о чем идет речь. Ведь в действительности никакой полезной работы не производилось. В этом были виноваты даже не отдельные воры-чиновники, не они это придумали — сама структура изначально имела порочную бюрократию, способную только на производство тонн бумаг с обоснованием украденных денег.

Как-то Алексей поделился своими соображениями об этом.

— Страшно представить, — сказал он с улыбкой, — если так все устроено не только в нашей сфере, но и во всей стране. А я подозреваю, что именно так и устроено... Ведь у нас на дело из бюджета вообще ничего не попадает, все по карманам...

И он растерянно покачал головой, как бы отстраняясь от этой ситуации и не имея к ней отношения.

Алексей меня уволил. Он не мог больше терпеть мое принципиальное нежелание работать, которое на самом деле было неспособностью. Перед увольнением я задолжал ему работу по одному проекту, и он ее требовал.

— Иван,— написал он мне как-то,— если ты не пришлешь мне ее, то я сделаю так, что твоей карьере конец!

А мне в то время не было никакого дела до карьеры.

На этом мы расстались и не виделись много лет.

Потом я узнал от кого-то, что у него в семье случилось большое несчастье, вроде как погиб маленький сын. Но точно я не знал, сведения были из третьих рук, и вообще не было полной уверенности, что они про него.

Встретил я его совершенно случайно в одном учреждении, где я на тот момент работал. Выяснилось, что и он там уже давно работает, но мы почему-то ни разу не пересекались. Он был совершенно седой, но лицо оставалось свежим и румяным. В моем общении с ним теперь пропало раболепство виноватого раздолбая, и я говорил легко и непринужденно, хотя и без искренности — все-таки расстались мы чуть ли не врагами.

Он тоже отвечал мне дружелюбно и улыбочиво, как в начале нашего знакомства. Мы стояли на лестничном пролете у окна с видом на храм, и мимо нас ходили люди, вверх и вниз по лестнице.

— Ельпидор Синефорович! — вдруг воскликнул он медовым голосом, глядя на кого-то за моей спиной. Лицо его мгновенно приняло хорошо знакомое мне выражение пончика, но уже не шоколадного из-за седины.

Я оглянулся — это был один из важных начальников нашего учреждения.

Алексей стал что-то спрашивать у него, много кивая и заглядывая в глаза с выражением виноватого влюбленного, стоящего на коленях перед девушкой. Мне казалось, что начальнику неприятен этот разговор, но может это было просто мое личное ощущение. Сказав что-то краткое, начальник поспешил вниз по лестнице, а Алексей с придыханием и тонко-тонко пел ему вслед:

— Спасибо! Спасибо, Ельпидор Синефорович! Спасибо-о-о-о!

Это продолжалось до тех пор, пока Ельпидор Синефорович не скрылся из вида.

Зазвонили колокола к службе. Алексей отчего-то вздрогнул, повернулся к окну и стал креститься. Мне стало дурно, я прислонился к стене.

— Ну давай, Иван! — обычным голосом сказал он и пошел по своим делам.

